

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕМЁНА ФРУГА

Яков Рабинович, Софья Ястребнер

Имя выдающегося русско-еврейского поэта и публициста Семёна (Шимона) Яковлевича Фруга (1860-1916), чьи стихи в 80-90-е годы XIX века властвовали над умами и чувствами многочисленных его читателей и почитателей, причём не только евреев, – оказалось ныне почти забытым. Даже в биографическом справочнике “Евреи, кто они?” (составители – Б.М.Сандлер, И.Б.Сандлер, Москва, 2004 год) не упомянуто имя С.Я.Фруга. А ведь он был первым еврейским, а точнее, русско-еврейским поэтом России. Эту публикацию о С.Я. Фруге можно считать первой после долгих лет молчания.

Шимон Фруг родился в 1860г. в Бобровом Куте Херсонской губернии. На этих землях впервые еврей-земледельцы Российской империи создали в 1808г. земледельческую колонию. Здесь в том же году в традиционной еврейской семье родился отец будущего поэта Мойше-Цви Фруг. В семье Мойше-Цви Фруга дети рождались один за другим, однако быстро умирали. Шимон был пятым ребёнком в семье и первым, оставшимся в живых. По поводу его рождения отцу прислал поздравление знаменитый хасидский ребе Менахем Мендл из Любавичей, любимый внук и ученик рабби Шнеура-Залмана из Ляд.

Итак, пятому ребёнку Мойше-Цви Фруга суждено было не только выжить, но и получить образование в хедере и в русской начальной школе, открытой в этой еврейской сельскохозяйственной колонии, и изумить многонациональную Россию поэзией, на редкость ёмко выражающей еврейскую душу на русском языке. Приобщение к русскому языку с детства и безусловный врождённый поэтический дар позволили еврейскому мальчику, воспитанному в хасидских традициях, воспеть свой народ не столько на родном, сколько на выученном, чужом для него языке, да так, что голоса его ждали многие в России. Поэт достойно возвестил о своём древнем народе, волею судеб занесённом в эту страну, о трудной его судьбе.

Ранние стихи Семёна Фруга появились в русско-еврейских журналах Петербурга, а вскоре – и в русских периодических изданиях конца 70-х-начала 80-х годов позапрошлого века. Первый сборник его стихов был издан в 1885 году, и печатался он в типографии А.С.Суворова, что говорит о многом. Рецензий и отзывов на его книгу было множество. Современник поэта, выдающийся историк Шимон Дубнов вспоминал: “Люди следующих поколений, когда творчество Фруга остановилось в своём росте (имеется в виду конец 80-х годов XIX века - Я.Р., С.Я.), не могут себе представить, какое глубокое душевное волнение вызывали в первые годы фатальной эпохи его современные элегии, библейские мотивы, исторические легенды, как много говорил истерзанному сердцу своего поколения поэт, который ни одной песни весёлой не спел своему народу”.

Приведём одну из песен, названных Ш.Дубновым поэтическими шедеврами, – фрагмент стихотворения “Над Библией” из первого сборника С.Фруга:

В священном сумраке легенды вековой –
Прозрачна и бледна, как блеск зари, скользкий
По заводям глухим, заросшим осокой
И жёлтых камышей таинственную чашей,
Проходит предо мной толпа святых теней;
Спокойно светятся их образы немые...
Давно минувших лет, давно забытых дней
Я слышу отзвуки заветные, родные...
И песня громкая свободы и любви
Растёт, кипит во мне волной мятежной, шумной,
И вспыхивает вновь огонь в моей крови,
И рвётся из груди крик радости безумной...”

Эти глубокие философские размышления поэта дают представление о поэзии Фруга, всегда остававшегося верным Священной Книге в своём многогранном творчестве. Как не вспомнить слова, сказанные в Теилим (137): ”При реках Вавилонских там сидели мы и плакали, вспоминая Сион. Как нам петь песнь Господа на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука. Да прилипнет язык к небу моему, если не буду помнить тебя, если не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего...”.

Со времени создания этих стихов прошли тысячелетия. Евреи пели свои песни на разных языках, на землях многих стран и в радости, и в горе. Но данный обет они не нарушали, ибо за все годы изгнания так и не забыли Иерусалим.

И всё же, возможно ли на языке, приобретённом в силу исторических обстоятельств, излагать сокровенные мысли так, как на родном? Да. Если этот язык становится родным. Даже Х.-Н. Бялик, поэт, не признававший права евреев писать на чужих языках (даже идиш считал чужим, именуя его “жаргоном”), как бы сам себе противореча, писал о Семёне Яковлевиче:

”Читая Фруга, даже на чужом языке, я чувствовал в нём родную душу, душу еврея, я обонял запах Библии и пророков... Я воспринимал Фруга не только как читатель, но и как еврей. Для меня Фруг писал не по-русски. Читая его стихи, я не замечал русского языка. Я чувствовал в каждом слове язык предков, язык Библии, я чувствовал душу человека, страждущего за еврейский народ”.

Следует сказать, что Фруг писал не только об исторической родине евреев, но и о “втором Сионе”, как называли Российской империю многие евреи второй половины XIX в.

Я вновь пришёл к тебе, родная сторона;
Пришёл измученный, с поникшей головою.
Но радостью немой душа моя полна,
Той тихой радостью, той светлой тишиною,
Что веют в полумгле румяных вечеров
С обрывов и низин Днепровских берегов...

Да, душой, полной любви, евреи прирастали к земле, где родились и жили... Но прав Бялик в отношении феномена Фруга, что его стихи на русском языке читаются евреями по-еврейски.

С.Я.Фруг, кроме иврита и идиш, знал русский и украинский языки. Он любил украинскую поэзию. Замечательные стихи он посвятил памяти великого украинского поэта Тараса Шевченко:

Не оттого ль, певец Украины,
Что в песнях тех, что пел нам ты,
Лежат пленительные тайны
Непостижимой красоты;
Что, осенённый светлой думой,
Твой дух покой и мир любил,
И под суровостью угрюмой
Ты сердце мягкое таил;
Что, кровь и муки воспевая,
Ты часто сам болел, рыдая,
Скорбя в душевной глубине
Об этой мрачной старине...

На иврите и на идише Фруг тоже писал, но его русские стихотворения стали образцом не только для поэтов еврейского происхождения (В.Жаботинский, Х.Зингер, С.Маршак, Л.Яффе), но и для русских поэтов, писавших на библейские темы (И.Бунин, М.Цветаева, К.Романов). Как здесь не вспомнить мысль французского писателя Рене Шатобриана о том, что литература всех народов начинается с поэзии, и добавим : в значительной мере – с Библии.

И невозможно себе представить поэта С.Фруга без тесной связи его творчества с именем А.С.Пушкина. Вот стихотворение, посвящённое 100-ю со дня рождения великого поэта, которого Фруг не просто любил – обожал:

Поэзии русской чарующий гений,
Пленитель души и властитель ума!
С бессмертных страниц твоих дивных творений
Звучит нам великий завет вдохновений:
Да здравствует солнце, да скроется тьма!..

Тема Пушкин-Фруг весьма важна, чтобы понять феномен появления русско-еврейской поэзии вообще и Фруга – в частности. В дни 100-летия со дня рождения А.С.Пушкина Фруг написал статью “Чувства добрые”, опубликованную в 1903году, в которой повёл разговор о стихотворении “В еврейской хижине лампада...” Довольно неожиданно Фруг сопоставляет его с ”Памятником”. Он пишет: “Если трудно сказать , к какой исторической эпохе относится сюжет этой незавершённой поэмы, то в то же время с отрадной ясностью выступает один знаменательный момент в жизни русских евреев, которому вполне могут быть приурочены строки этого стиха. В незабвенную эпоху Царя-Освободителя” (Александр II -Я.Р., С.Я.).

Обратим внимание на то, почему еврей Фруг, и не он один, называет Александра II “Освободителем“. В ответ достаточно процитировать Указ царя от 31 марта 1856года: “Пересмотреть существующие о евреях постановления для соглашения их с общими видами слияния сего народа с коренными жителями, поскольку нравственное состояние евреев может сие позволить”. Статья Фруга проливает свет на его мировоззрение и заботу о дальнейшей судьбе еврейского народа. “В незабвенную эпоху Царя-Освободителя, – писал он, – в “еврейскую хижину” постучал “странник” – тот могучий дух культурного возрождения, который внёс в эту тёмную и тесную хижину струю новой, полной надежд и отрады жизни... В ту хижину, где “старик читал Библию”, этот странник внёс букварь, русскую хрестоматию...

И тогда-то к Пушкину, действительно, “постучался еврей”, но не за презренным золотом,...а за чистым золотом возвышенных поэтических вдохновений. Тысячи детей “презренного еврея” стали учиться русскому языку. Первое стихотворение, выученное еврейским ребенком, принадлежало Пушкину. Первый восторг поэтического настроения, испытанный еврейским юношей, еврейской девушкой, почерпнут ими у Пушкина...

Фруг вспоминает, что первый поэтический восторг он ощутил своим чутким юным слухом при чтении его учителем стихотворения Пушкина “Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...” Вся его жизнь и творчество были тесно переплетены с творчеством Пушкина. Эта связь продолжалась долгие годы.

Как известно из еврейской истории, Девятое Ава – день глубокого траура в память о разрушении обоих Храмов. В этот день во всех синагогах мира читают библейскую книгу Эйха. И можно ли после её пронзительных строк сказать что-то своё? Наверное, даже необходимо. Фруг написал стихотворение “Девятое Ава” в страшное для евреев России время, когда в начале 80-х гг. XIXвека по стране прокатились массовые погромы. Обращаясь ко всем, кто прочтёт его стихи, евреям и неевреям, поэт возгласил:

Ты ошибаешься, слепой бездушный Рим!
Не обладать тебе с твоей гордыней блудной
Ни Родиной моей, ни алтарём моим...
И если ныне нет к нему дороги,
Не всё ль равно?
Мой край, взлелеянный мечтой,
Цветёт в душе моей, и светлые чертоги
Я вижу там, где мрак и прах перед тобой.

В стихотворении звучит вера в непобедимость и непокорность еврейского народа, призыв к возвращению на историческую родину. Погромы в России привели к такому выводу не одного Фруга; к тому же призывали евреев некоторые русские писатели, уважительно относившиеся к древнему народу, не верившие, что ему дадут в России обещанные, равные с другими, права.

Израильский литературовед И.Портнова в статье “Еврейский поэт России” отмечает, что среди евреев последней четверти XIX века были писатели, верившие обещаниям Александра II. Погромщики, реакционеры – полагали они – явление временное. Другие видели выход лишь в исходе евреев из России (палестинофилы). «Молодой Фруг, палестинофил и просветитель вместе, искренне был с “уезжающими” и с

“остающимися”», – писала И.Портнова. Политически разрозненных и громко спорящих читателей он объединял национальной идеей: его считали своим поэтом и те, и другие..”

С.А.Венгеров в статье о Фруге замечает: ”Как всякий лирик, Фруг тесно связан с искренностью своих настроений. Больше всего искреннего увлечения в первом сборнике (“Стихотворения”. Петербург, 1885г.) не только потому, что поэт был моложе, но и потому, что он явился отражением большого подъёма в русском еврействе, относящегося к концу 1870-х и началу 1880-х...Тогда в мыслящей части еврейства, воспитавшейся под влиянием лучших элементов русской общественности, значительно повысилось чувство собственного достоинства...”. С каждым годом росла популярность поэта. Его любили за искренность, актуальность, правдивость. Росла его известность вне круга читателей еврейских органов печати, когда стихотворения Фруга стали печатать общие журналы: “Вестник Европы”, “Русская Мысль”, “Неделя” и другие издания. Одарённому поэту-самородку дали средства приехать в Петербург. Но если бы жизнь Фруга в Петербурге складывалась так удачно и просто, как пишут об этом авторы статьи в энциклопедии Брокгауза-Ефрона! С первого дня пребывания в столице Фруг как еврей не мог не почувствовать себя человеком бесправным.

Не имея высшего образования, не будучи купцом первой гильдии, даже не владея ремеслом, он не мог рассчитывать получить здесь право на жительство. Его пребывание в Санкт-Петербурге узаконил только Марк Варшавский, видный деятель Общества по распространению просвещения среди евреев в России. И Фруг прожил здесь почти 30 лет. Его популярность росла. Как писал о нём известный искусствовед С.М.Гинзбург: ”Имя Фруга сразу приобрело необыкновенную популярность. Номера русско-еврейских журналов с его произведениями ждали с нетерпением, как праздника; его стихотворения учили наизусть, и вскоре они стали распеваться, невесть откуда являлись к ним мелодии...”.

Когда в России в начале 80-х произошли еврейские погромы, вера в возрождение еврейской культуры на русской почве пошатнулась. Многие писатели эмигрировали в США, некоторые – в Палестину. И поэт Фруг ушёл из русской поэзии. Нет, он продолжал писать стихи, поэмы, в 1902 году вышел его второй сборник ”Сиониды и другие стихотворения”, но в это время в нём начинает преобладать писатель, публицист. Он входит в журналистику своими фельетонами, прозой, публицистикой. Его публиковали в “Петербургской газете” и в других престижных изданиях. Но от поэзии он уходил всё дальше. Тому было много причин, но главной, очевидно, были погромы. Было ему знакомо и чувство горькой неприкаянности. Есть у Фруга позднее стихотворение “Итоги” (1900) :

Мне сорок лет, а я не знал	Брожу, пути не разбирая.
И дня отрадного поныне;	Россия – родина моя,
Подобно страннику в пустыне,	Но мне чужда страна родная,
Среди песков и голых скал	Как чужеземные края...

В стихотворении чувствуется крик души, глубокая драма человека, беспредельно любившего страну, где он родился, возмужал, стал знаменитым. Впрочем, и Лермонтов, горячо любимый Фругом, задолго до этих стихов написал: “Люблю отчизну я, но странною любовью!.. Но я люблю – за что, не знаю сам...” Наверно, такова судьба истинных поэтов России – чувство неразделённой любви.

В эти годы центром еврейской культуры становится Одесса. Еврей М.Гуревич открыл первый в империи еврейский женский пансионат; создано Еврейское историко-этнографическое общество во главе с М.Винавером, Ш.Дубновым и М.Кулишером. Это общество издавало трехмесячник “Еврейская старина. Свод материалов по истории евреев России”. Было также создано Еврейское литературное общество. С Одессой были тесно связаны выдающиеся деятели международного сионистского движения, писатели, общественные деятели. К ним следует причислить Зева Жаботинского, писателей Ш.Я.Абрамовича (псевдоним – Менделе Мойхер-Сфорим), Ш.Н.Рабиновича (Шолом-Алейхем), Хаима Бялика, здесь трудились Ш.Дубнов, И.Равницкий – друзья Фруга. Они пригласили Фруга в Одессу. В 1909 году он приехал в Одессу и работал вместе с друзьями как переводчик и автор предисловия “Агады”.

Следует сказать, что о Фруге-поэте с самого начала его творчества заговорила не только еврейская, но и русская печать. Известный критик К.Арсеньев причислил С.Фруга к “группе лучших поэтов нового поколения”. Он замечает, что по своему таланту С.Фруг, как и Надсон, мог остаться и в общерусской литературе, но “Фруг стал золотой арфой своего народа, стал национальным еврейским поэтом.” Этот видный литературный критик свою статью памяти С.Фруга назвал “Еврейский Надсон”. Почему он отождествил эти два имени? Вероятно, поводом послужило стихотворение Надсона:

Я рос тебе чужим, отверженный народ,
И не тебе я пел в минуты вдохновенья.
Твоих преданий мир, твоей печали гнёт
Мне чужд, как и твои ученья.
И если б ты, как встарь, был счастлив и силён,
И если б не был ты унижен целым светом,
Иным стремлением согрет и увлечён,
Я б не пришёл к тебе с приветом.
Но в наши дни, когда под бременем скорбей
Ты гнёшь чело своё и тщетно ждёшь спасенья,
В те дни, когда одно название “еврей”
В устах толпы звучит, как символ отверженья,
Когда твои враги, как стая жадных псов,
На части рвут тебя, ругаясь над тобою,
Дай скромно стать и мне в ряды твоих бойцов,
Народ, обиженный судьбою!

Семён Яковлевич Надсон написал эти стихи в 1886 году – как раз в то время, когда многие хотели избавиться от своего еврейства, а иные, наоборот, выражали свой протест против нарастающего антисемитизма в демонстративном возвращении в еврейство. Небезинтересно заметить, что это стихотворение Надсона было опубликовано в 1901 г. в Петербурге в сборнике “Помощь”. Альманах этот был издан для оказания помощи евреям, пострадавшим от неурожая.

О стихотворении “Я рос тебе чужим...” Львов-Рогачевский писал: “В поэзии С.Я.Надсона громко говорит голос крови, несмотря на то, что среди стихотворений поэта-юноши было только одно, посвящённое родному народу, да и это единственное стихотворение вошло лишь в последнее издание произведений С.Я.Надсона.”

Прошли годы страшных кровавых испытаний для еврейского народа, но и сегодня это стихотворение не потеряло своей актуальности, оно звучит остро, злободневно, когда почти вся цивилизованная Европа охвачена волной ярко выраженного антисемитизма. История никого ничему не научила.

Вернемся к Фругу.

Интересен Фруг и как публицист. К примеру, в статье “Чувства добрые” он полемизирует с А.С.Пушкиным: “Да, потомки презренного еврея горячо любят Пушкина...Пушкин был великим законодателем Парнаса.

Прямо и смело говорю: если бы Пушкин увидел, чем стала часть еврейского населения России за последнее 50-летие, если бы он увидел...еврея-врача, добровольно отправляющегося в местности, заражённые холерой, цингой, голодным тифом, еврея, занимающего кафедру русской словесности,...и в то же время сотни других евреев, лишённых возможности применять к живой и благородной деятельности свои знания и силы, – он, стремившийся пробуждать своей лирой “чувства добрые и милость к падшим призывать”, вряд ли молча прошёл бы мимо этих явлений.

В том же году, когда Фруг написал эту статью, в Кишинёве произошёл один из самых страшных в истории России еврейских погромов. Оставаться русско-еврейским поэтом в такую пору было непросто.

Он занимался переводами сборников “Агады” (сказания, притчи, изречения из Талмуда и Мидрашей), писал статьи, фельетоны, и очень редко – стихи. В Одессе ещё при его жизни вышло несколько изданий его полных собраний сочинений. Последнее из них – последнее до нынешней поры – вышло там же в 1917 году, посмертно (на средства фонда имени Фруга, который возглавил Х.-Н. Бялик).

Умер Фруг в Одессе в сентябре 1916 года. О его похоронах сохранилось немало воспоминаний, свидетельствовавших, что Одесса ещё не видела подобных траурных процессов.

Однако после Октябрьской революции имя Фруга оказалось запрещённым, забытым, на его поэзию было наложено табу. Еврейский народ должен чтить своего поэта, возродить память о нем. Первый памятник Фругу установлен на исторической родине поэта – в Израиле. Стихи его начали появляться в разных сборниках и антологиях России в 80-е годы, при перестройке.

Одесситы помнят и чтят память своих выдающихся земляков. Памятные знаки установлены на домах, где в разные годы жили и творили Шолом - Алейхем, Хаим-Нахман Бялик, Семён Фруг, Менделе Мойхер-Сфорим.

Жизнь и судьба Семёна Фруга были драматичны. Горестный мотив звучит в его прощальном стихотворении, написанном незадолго до смерти:

Друг мой, я вырос в чужбине холодной
Сыном неволи и скорби народной.
Два достоянья дала мне судьба:
Жажду свободы и долю раба.